

НОВОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «ОКНАМ РОСТА» ПОСВЯЩЕНО ТЕМЕ НАСТАВНИЧЕСТВА В НАУКЕ. СЕГОДНЯ О СВОИХ УЧИТЕЛЯХ РАССКАЗЫВАЮТ ВЕДУЩИЕ ПРОФЕССОРА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ — ФУАД АЛЕСКЕРОВ И ЛЕВ ЯКОБСОН.

Фуад Алескеров, д. т. н., ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий кафедрой высшей математики на факультете экономики, научный руководитель отделения прикладной математики и информатики, главный научный сотрудник лаборатории экспериментальной и поведенческой экономики, заведующий международной научно-учебной лабораторией анализа и выбора решений

В 1974 году я окончил механико-математический факультет МГУ. Там нам читали лекции блестящие преподаватели — Б. П. Демидович, А. Г. Курош и др. Я ходил к Курошу на его спецкурс по общей алгебре. Общая алгебра — очень абстрактная наука, но Курош превращал свои лекции в театральное действо. На них мы сидели, затаив дыхание. Кроме этого, свой курс по логике нам читал А. Н. Колмогоров. Это был совсем другой стиль преподавания. Он читал вещи, которые были известны более ста лет назад. Было видно, что он их заново продумывает, хотя, конечно, слушать его было очень непросто.

Главное, чему меня научили в МГУ, — не бояться задач. У меня до сих пор нет страха перед ними. Если я что-то не понимаю, я тут же начинаю это изучать.

Потом, в 1975 году, я пришёл в Институт проблем управления к Марку Ароновичу Айзерману. Тут и началось настоящее наставничество. Оно происходило не столько в период обучения в аспирантуре, а, скорее, после этого. Когда я только пришёл в Институт, он сказал, что я должен ходить на его семинары, что я и делал.

Помню, что я как-то подошёл к Марку Ароновичу и сказал ему о том, что не хочу ходить на те семинары, которые непосредственно не связаны с моей работой. Он сказал, что на семинар надо ходить обязательно. Я до сих пор это вспоминаю и за это ему очень признателен. **Научное мышление выковывается на семинарах.** Когда вы слышите, как выдающиеся учёные ставят вопросы, как они обсуждают проблемы, вы получаете бесценный опыт. Эта мозаика мнений складывается в то, что называется научным мышлением.

Всё, что я имею, я получил тогда. Конечно, я продолжаю учиться, но в этом плане я, скорее, собираю какие-то знания.

Айзерман был действительно выдающимся человеком.

Когда мы писали о нём книгу, то заметили, что он внёс вклад в шесть разных областей теории управления. В 1964 году он стал лауреатом Ленинской премии за создание универсальной системы элементов промышленной пневмоавтоматики. Лаборатории, которую он создал, скоро исполняется 50 лет. Эта лаборатория занималась самыми разными задачами: управлением в живых системах, классической теорией управления и т. д. Конечно, сейчас она ведёт не такую яркую работу, как раньше, но всё равно лаборатория существует, я ею заведу и горжусь тем, что мы сохранили её, несмотря на все сложности.

Среди его книг я бы отметил книгу «Логика, автоматы и алгоритмы». В течение около двадцати лет она являлась классикой в своей области. «Метод потенциальных функций в теории обучения машин» — тоже одна из его известных работ. У него также были выдающиеся работы в области теории устойчивости.

Теперь я расскажу о стиле его работы с учениками. Когда я пришёл в лабораторию, мне дали задачу и некоторое время мной не занимались. Я тогда очень удивлялся этому, но на самом деле этот подход оказался правильным. Таким образом выяснялось, образно говоря, сумеет ли лягушка выбраться или утонет, будет ли она барахтаться. Когда они увидели, что я, побарахтавшись, выплыл, то стали мною заниматься и занимались много.

Свою первую статью вместе с соавторами я писал два года. Оттачивалась буквально каждая фраза. Конечно, такой долгий срок был связан и с тем, что мы были первопроходцами в своей области и работали с ещё не устоявшейся терминологией. До сих пор у меня очень серьёзное отношение к тому, как пишутся работы. Я не могу себе позволить что-то написать небрежно. От первой до последней фразы (включая обозначения) всё должно быть перепроверено. Каждая фраза и каждое обозначение должны нести смысл. Более того, каждое обозначение также должно иметь мнемоническую компоненту, чтобы людям не пришлось через пять страниц вспоминать, что оно значит. Таков результат моего обучения в этой школе.

Говорят, что учёные — люди не от мира сего, рассеянные, забывчивые и т. д. Поверьте мне, я с очень многими выдающимися людьми общался, и все они были удивительно дисциплинированными. **Наука — это внутренняя дисциплина.** Про меня недавно сказали, что все меня в Вышке ценят, в частности, за то, что я никогда не опаздываю. Это тоже влияние той школы, которую я прошёл. Я за всю жизнь на лекции опоздал два раза, и оба раза не по своей вине.

В 1981 году, сразу после защиты кандидатской диссертации, я начал заниматься теорией коллективного выбора. Марк Аронович умел блестяще ставить задачи, умел повернуть задачу таким образом, что всё сразу становилось понятно. Эта высокая ясность мышления имеет решающее значение, потому что хорошо поставленная задача — на три четверти решённая задача. И он меня тоже учил это делать. Я часто говорю, что молодые люди не умеют ставить задачи, но это нормально, это приходит с опытом.

Мы с Айзерманом вместе работали по 16 часов в день. И это было не каторгой, а настоящим удовольствием. Например, мы могли с ним 8–10 часов сидеть в кабинете и обсуждать разные проблемы, а потом я ещё дома до ночи работал, чтобы утром ему рассказать о том, что у меня получилось.

Мы с ним написали серию статей, которые получили признание в мировой литературе. За какой бы раздел науки он ни брался, через два-три года его научный коллектив получал международное признание в этой области. Я тоже прошёл эту школу. Так, например, пять-семь лет назад у нас задачами влияния в группах вообще никто не занимался. Мы начали работу над этим и сегодня мы являемся всемирно признанным коллективом в данной области, без которого не проходит ни одна международная конференция, посвящённая этой теме.

Безусловно, он оказал влияние на развитие моих научных интересов. В мою кандидатскую диссертацию он особо не вмешивался, и я писал её самостоятельно. А что касается проблемы коллективного выбора, то работу на эту тему мы делали только с ним. Приведу простой пример. В знаменитой теореме Эрроу рассматривалась задача агрегирования бинарных предпочтений в функции выбора.

Спустя несколько лет было отмечено, что в силу того, что на функции выбора налагаются определённые условия, можно от функции избавиться и рассматривать вместо неё коллективное предпочтение. После этого в литературе обсуждался вопрос о том, что в коллективном выборе, может, и нет самого выбора, а есть лишь агрегирование предпочтений в предпочтения.

Айзерман был первым, кто сформулировал эту задачу об агрегировании функции выбора в функции выбора. Никаких предположений о том, что эти функции выбора сводятся к предпочтениям, не делалось. Когда мы закончили эту работу, то нас сразу пригласили в Штаты, где мы выступали на различных конференциях и семинарах.

Теперь я хочу сказать несколько слов о нём как о человеке. Это очень важно, потому что его человеческие качества и его качества как учёного были неотделимы. В 1946 году специалист по теории управления Щипанов написал работу об идеальных регуляторах. Эта работа была тут же осуждена журналом «Большевик» и газетой «Правда» — главными идеологическими газетами в стране. Щипанов был обвинён в идеализме. Что делает молодой доктор наук Айзерман? В это время он только вернулся с войны. Он пишет письмо президенту Академии наук в защиту Щипанова. Когда он это мне рассказал, я его спросил: «Вам не страшно было?» Он ответил: «У меня в прихожей стоял чемоданчик с бельём и едой, потому что я уже ждал, что меня арестуют». Много ли людей поступили бы так же, как он?

Вторая моя история об Айзермане связана с тем временем, когда я писал у него диссертацию. Ещё в начале моего обучения в аспирантуре, в 1979 году, он постоянно напоминал мне о том, что необходимо писать диссертацию. А я никогда не любил такого рода работу. Одно дело писать статью, в которой пишешь о полученных результатах. Это интересно. Другое дело ещё что-то писать о самой статье, переводить её на другой язык и т. д. Это тоска. Поэтому, когда он мне об этом напоминал, я ему обещал написать, но всё время откладывал. Потом он в конце 1980 года сказал мне, что с начала 1981 года я должен начать писать диссертацию. В первый же день нового года он пришёл к нам в комнату и позвал меня к себе в кабинет. Когда мы пришли, он попросил написать план диссертации. Я сказал, что могу и у себя его написать, но он настоял, чтобы я сделал это у него в кабинете. Так продолжалось неделю, пока я не написал первую главу. Удивительным было то, что когда к нему приходили, он не меня выгонял, а сам выходил из кабинета. Когда я дописал первую главу, он меня отпустил, чтобы я дома доделывал остальное.

Когда мы написали большую статью по Эрроу и собирались её отдавать в печать, он вдруг меня вызвал и заявил о том, что мы не можем публиковать статью в таком виде, так как в ней нужно заменить два термина: «диктатор» и «олигархия». Я его заверил в том, что весь мир употребляет эти термины и в этом нет ничего страшного. Он продолжал стоять на своём и начал предлагать альтернативные варианты этих терминов. Я их все, не особо вдумываясь, отвергал, предполагая, что мы всё равно вернёмся к изначальному варианту. Так продолжалось 45 минут, после чего он мне совершенно грустным голосом сказал: «Понимаете, я с этим режимом прожил 70 лет, и я не позволю Вам испортить Вашу жизнь и карьеру из-за двух слов, которые наверняка будут неправильно поняты». В итоге в этой статье термины «диктатор» и «олигархия» были заменены на «решающий избиратель» и «решающая группа».

Лев Якобсон, д. э. н., первый проректор НИУ ВШЭ, профессор кафедры государственного управления и экономики общественного сектора факультета экономики, научный руководитель Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, главный редактор журнала «Вопросы государственного и муниципального управления»

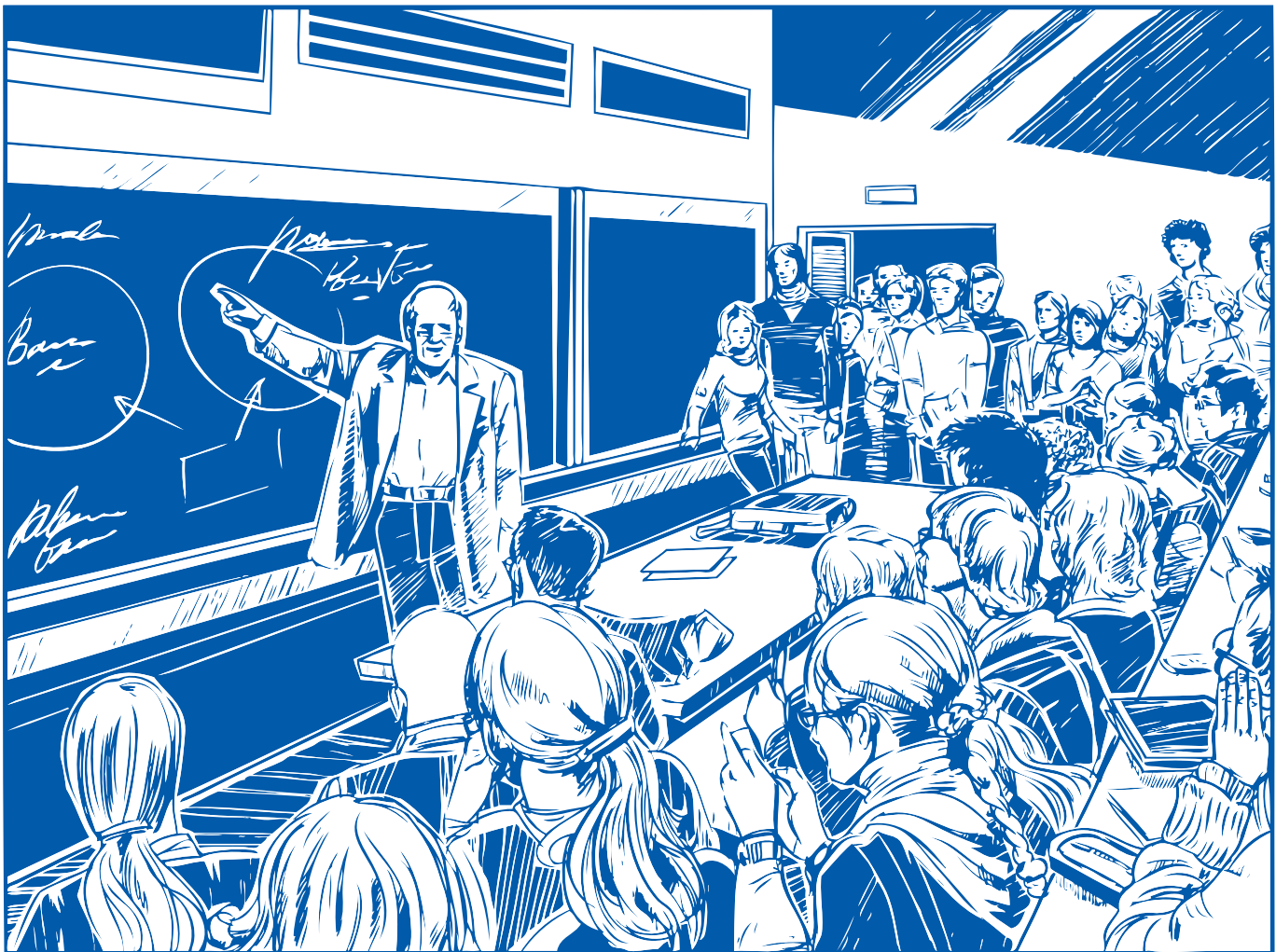
Говорить о наставниках просто тому, кто в юности присоединился к мощной научной школе, учился у её основателей, а затем всю жизнь продолжал их дело, а мой путь в науке оказался более извилистым, пожалуй, даже причудливым. В том, чем занимаюсь последние лет тридцать, я в основном самоучка. Но, конечно, я благодарен многим людям, под влиянием которых формировался.

Экономистом я стал случайно. 1960-е годы, когда я учился в школе, были временем «физиков и лириков». В лирики я определенно не годился, хотя, наверное, был бы не прочь. Оставалась физика или, в крайнем случае, математика. Ею я и собирался заниматься, тем более что учился в хорошей математической школе у известного в то время преподавателя математики Семена Исааковича Шварцбурда. Пожалуй, его я назову первым.

Он был не только школьным учителем, но и доктором наук.

Задним числом вижу, что он показал нам, насколько увлекательным занятием может быть наука. Но ближе к окончанию школы меня потянуло к чему-то гуманитарному. В последнем классе я стал искать что-то промежуточное между математикой и гуманитарными науками. Искать было нетрудно, потому что подразумевалось, что учиться стоит только в МГУ. А там обнаружили лишь два отделения, отвечавшие критерию выбора. Это структурная лингвистика и экономическая кибернетика. Вот тут уже надо было делать выбор, и, получив аттестат, я отнёс его на филфак. Но поскольку не был уверен в правильности выбора, чуть ли не в самый последний момент перенес документы на экономический факультет. Вероятно, если бы начал с экономфака, в итоге отправился бы на лингвистику.

На первых двух курсах отделения экономкибернетики экономико-математических предметов в собственном смысле тогда не было. Были математические, которые преподавали люди с мехмата (некоторые к тому времени перешли на экономфак, другие работали на нем по совместительству), и гуманитарные. Эти два потока сливались только на последующих курсах. На них преподавали замечательные люди, перечислять которых было бы долго. Из тех, кто сильно на меня повлиял, назову А. Анчишкина и особенно С. Шаталина, с которым я потом контактировал в течение десятилетий. Но соприкоснулся я с ними уже не в качестве студента отделения экономкибернетики.

Дело в том, что совершенно неожиданно для себя я наткнулся на факультете на явление, которое теперь мало кому известно, да и тогда бытовало в узком кругу. Это так называемый творческий марксизм. Говоря очень коротко и не вполне точно, это была реконструкция марксизма как одной из живых ветвей европейской общественной мысли. Естественно, тут возник конфликт с казённой идеологией. Некоторое представление о творческом марксизме имеют те, кто смотрел фильм А. Архангельского «Отдел». Он о философах из ИМРД, из которых я лишь кое-кого видел и слышал, но знал философов из Института философии. Их я также не могу не упомянуть, говоря о тех, кто оказал на меня влияние. Это прежде всего Э. Ильенков и Г. Батищев. Были творческие марксисты и среди экономистов. Короче говоря, я решил перевестись на отделение политической экономики и с немалым трудом этого добился.

Тогда я занялся темой, по нынешним временам странной. Образование, здравоохранение, наука, культура, в общем все отрасли, где не создаются материальные блага, назывались непродуцированной сферой. Считалось, что они вообще ничего не производят, и это, разумеется, расходилось со здравым смыслом. Некоторые экономисты пытались найти у Маркса опору для пересмотра догмы. Вот и я присоединился к ним на втором курсе и так познакомился с Михаилом Васильевичем Солодковым, который был нашим деканом и руководил проблемной группой, а потом кафедрой, занимавшейся этой самой непродуцированной сферой. Его я считаю своим учителем больше, чем кого-либо, хотя учился у него, пожалуй, не столько знаниям, сколько умению нестандартно мыслить и отношению к науке и людям. Насколько успешно учился, не мне судить.

Солодков был незаурядным человеком, очень талантливым и при этом прирожденным лидером. Совсем мальчишкой, потеряв на войне ногу, он пришёл на экономический факультет и, ещё будучи студентом, стал секретарём партийной организации, иначе говоря, для заслуженных профессоров оказался руководителем.

Затем он был секретарём парткома МГУ, а потом 12 лет деканом. При нем факультет превратился из одного из малых и не очень заметных в университете в один из самых больших и популярных. Михаил Васильевич привёл на факультет многих крупных учёных и очень заботился о студентах и преподавателях, но при этом был жёстким, авторитарным руководителем. Много позже я понял, что на факультете мало кто решался с ним спорить. Но тогда я об этом не задумывался и непримиримо спорил с ним на заседаниях проблемной группы, которые довольно часто превращались в наш с ним диалог. Если говорить коротко, Солодков искал компромиссный вариант интерпретации роли самой непродуцированной сферы. Он чувствовал запросы практики, но при этом был убеждённым марксистом, причем в отличие от меня толковал Маркса адекватно, без натяжек. А меня компромисс не устраивал, и я искренне пытался приписать Марксу то, чего у него не было. Михаил Васильевич сердился, но при этом всегда спорил со мной как с равным. Когда я написал дипломную работу, он заявил, что на его факультете такую ревизионистскую работу защищать нельзя. Однако через пару дней я получил не только пятёрку, но и приглашение поступить к нему в аспирантуру. Был он человеком крайне занятым, и, конечно, не очень тщательно следил за моей работой над диссертацией. К тому же я постепенно охладевал к марксизму, включая творческий, хотя и теперь отношусь к нему с уважением. Как бы то ни было, моя диссертация смещалась в плоскость прикладной науки, а Солодкова интересовала теория. Но мы и тогда, и после очень много общались, и в определенном смысле я учился у него до конца его жизни.

А профессиональные интересы заставили меня уже в аспирантуре учиться у западных коллег и потом это, разумеется, продолжилось. Правда, обучение было заочным, по публикациям. До 1990-х годов я тех, у кого таким образом учился, не встречал. Потом с некоторыми познакомился. Но рассказывать об этом значило бы вести разговор уже скорее о коллегах, чем о наставниках.